

18 АПР 42

П. МАРКОВ

НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО

Владимир Иванович Немирович-Данченко получил выдающуюся награду — Сталинскую премию — за поставленный им в Художественном театре спектакль «Кремлевские куранты». Он получил премию в годы войны, когда искусство призвано сыграть более значительную и волнующую роль, чем когда-либо. А Немирович-Данченко олицетворяет собой в театре искусство, предельно правдивое, глубокое и бескомпромиссное, искусство большой мысли и чистоты, суровости и внутренней наполненности. В его огромном сценическом мастерстве нет ни капли суетности, он не любит ничего случайного, и для него дороги только те детали, за которыми взволнованный зритель увидит «второй план» (любимое выражение Немировича-Данченко) жизни человека — мир страстей, идей, горестей и радостей. Если нет этого «второго плана», если только блестящим фейерверком режиссерской изобретательности пролетит перед зрителем представление (драматическое, оперное или балетное — безразлично), если не будут крепко и сценически выразительно «привинчены» внутренние куски, если туманен и расплывчат внутренний замысел художника, если режиссеру нечего сказать, то Немирович-Данченко равнодушно или гневно отвернется от самого нарядного, но выхолощенного, традиционно опрятного, творчески-бесплодного спектакля. Поэтому что всю свою жизнь он любил искусство страстное и взволнованное, направленное к самым важным сторонам человеческой души, добытое из глубин жизни путем упорного труда и интуиции.

Он получил премию за постановку пьесы о Ленине, за спектакль, звучание которого в наши дни сильно и значительно. Он никогда не считал для себя внутренне возможным быть в отрыве от современности. Он живет ритмом действительности. Первые же дни войны он принял горячо. Сколько горячих бесед провел он тогда со своими помощниками по обоим руководимым им театрам, Художественному и Музыкальному, по вопросам репертуара, сценического истолкования, путей театра. Война определяет сейчас для него подход к искусству, не понимающий, а повышающий привычную его и все возрастающую требовательность. Выпуск в дни войны спектакля о Ленине знаменателен и важен. Н. П. Хмелев в «Известиях» дал яркую характеристику работе Немировича-Данченко над этим спектаклем. И каждый участник постановки, подобно Хмелеву, вспомнит, как придавал Немирович-Данченко определенный смысл каждой отдельной сцене, как страстно подымал на репетициях спектакль до больших собраний и как подробно и внимательно искал все лучших способов его сценического разрешения. И многое он изменил в спектакле в дни войны; никогда не успокаивающийся, неутомимый и жадный художник сцены, как будто еще по-новому он понял спектакль, в который и им самим и всем коллективом было вложено столько труда, упорства и таланта.

Он получил премию за постановку пьесы советского драматурга — воспитатель и помощник целого поколения русских драматургов. Хорошо известна его роль

в создании драматургии Чехова и Горького. В предреволюционное время он жадно искал опоры в современной драматургии, останавливая внимание на тех проблесках дарования, которые сулили расцвет в будущем. Он увлекался, помогал, сердился, отвергал, разочаровывался — и пробовал, пробовал, пробовал. А в наши годы он с неугасимой жадностью искал тех авторов, которые способны выразить и раскрыть нашу современность и могущество идей, ее оплодотворяющих. Его беседы с авторами и, в особенности, репетиционная работа (которая ведется им всегда с страстным стремлением проникнуть в самый сокровенный замысел автора, раскрыть его стиль, особенности, мировоззрение, сделать пьесу живой сценической реальностью) являются наглядными и блистательными уроками драматургии. Вс. Иванов, Катаев, Леонов, Вирта, Погодин, Корнейчук, Тренев, Инбер, Зак, Крон хорошо знают этот прекрасный дар Немировича-Данченко. Он никогда не ограничивает себя пристрастием к определенной литературной школе. И подобно тому, как в Художественном театре он работал, работает и неустанно помогает своими советами десяткам драматургов, подобно этому в Музыкальном театре он горячо встретил талант Шостаковича, много и упорно работал с Дягилевым и Хренниковым, мечтая о создании советской оперы.

Он получил премию совместно с Хмелевым, Грибовым, Ливановым — прекрасными представителями того «среднего» поколения МХАТ, которое воспитано К. Станиславским и Немировичем-Данченко. Высоко ценя и любя стариков МХАТ, Немирович-Данченко всегда смотрит в будущее. Его жадность к молодым талантам и способность ими увлекаться поразительны. Он как будто вдумывается в самое зерно того человека, с которым встречается, подвергая его своему пытливному суду и пытаясь разгадать, что тот несет с собой в жизнь и что нового, свежего и интересного он внесет в искусство. С памятных дней Филармонии, давших Художественному театру Книппер и Москвина, актеров «первого призыва», он неустанно выискивает молодые дарования. В МХАТ работает труппа, сложившаяся на основе традиций театра и воспитанная Немировичем-Данченко. Рядом вырос созданный Владимиром Ивановичем Музыкальный театр, целиком состоящий из людей советского поколения.

Не ограничиваясь узко-профессиональными интересами, Немирович-Данченко смотрит на мир широко, жадно и мужественно. Прекрасна его мудрая, творческая жизнь. Прекрасно ее настоящее. Тема о нем неистощаема. В короткие строки газетной заметки не вместишь ни характеристики его замечательного облика, ни определения его исторической роли в русском театре. Но в самом награждении, увенчивающем деятельность этого мастера русской сцены, в том, за какую работу ему присуждена Сталинская премия, в окружении, совместно с которым он ее получил, отразились некоторые существеннейшие черты художника, работать с которым — и большое счастье, и большая ответственность.